

КАНДЕЛЬ Павел Ефимович — кандидат исторических наук, руководитель Центра этнополитических и межгосударственных конфликтов Института Европы РАН (125993, Россия, г. Москва, Моховая ул., 11, стр. 3)

БЫВАЮТ ЛИ БЕСЦВЕТНЫЕ «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»?

Аннотация. В России многие склонны воспринимать любые массовые антиправительственные выступления как очередную «цветную революцию». Для формирования подобного мировосприятия США и их европейские союзники действительно сделали немало. Но волна массовых выступлений в странах Юго-Восточной Европы в 2013–2015 гг. показала иное: возможность использования технологии «цветных революций» не внешними силами, а внутренней оппозицией для достижения собственных целей.

Ключевые слова: цветные революции, технологии цветных революций, бархатные революции

Американская политология, обобщая опыт «бархатных революций» в странах Восточной Европы конца 80-х гг. XX в., разработала вполне инструментальную технологию инспирированного извне ненасильственного свержения мешающих авторитарных режимов. Одним из ее родоначальников был американский политолог Джин Шарп. В его работах «От диктатуры к демократии», «Политика ненасильственного действия», «198 методов ненасильственных действий» практики «цветных революций» и черпали необходимые рецепты. Первой «пробой пера» для них стало свержение С. Милошевича. После белградской «октябрьской революции» 2000 г. в Вашингтоне сочли, что удачный опыт заслуживает конвейерного воспроизводства. Сербский сценарий его авторы силились повторить «под копирку», меняя лишь «цветочные» этикетки, в Тбилиси (2003 г.), Киеве (2004 г.), Минске (2006 г.), Ереване (2008 г.), Кишиневе (2009 г.), Бишкеке (2005 и 2010 гг.) и снова в Киеве (2013–2014 гг.). Попытки удалась не везде. Там, где существующий режим не утратил легитимности в глазах граждан, а нейтрализация силовых структур не задалась, как в Минске и Ереване, власть без труда устояла.

Не удивительно, что, сталкиваясь с чем-то похожим, общественное сознание привычно подверстывает любое новое событие из этого ряда под уже сформировавшееся клише. Но естественность и небезосновательность заблуждения не делает его истиной. В странах Юго-Восточной Европы в 2013–2015 гг. прокатилась волна массовых антиправительственных выступлений, в которых очевидно применение технологии «цветных революций». Но если в типовом сценарии их инициатором и важнейшим фактором был внешний (конкретно — США и ЕС), то нынешние волнения, нередко спонтанные и лишённые внешней поддержки, правомерно окрестить «бесцветными» революциями. Комично, но показательно, что они и не удостоились «фирменного» цветочного бренда.

Как и предписывают пособия по производству подобных «революций», тема выборов была избрана подходящим предложением для массовых антиправительственных выступлений в Македонии, Черногории и Албании. Они, в свою очередь, не случайно напоминают происходившее ранее в Словении и Болгарии. Для понимания связующей их единой логики стоит вкратце напомнить и эти истории. Обусловлены они были разными причинами и поводами, различались масштабами и последствиями. Но их роднит застарелая общевосточная болезнь — коррупция и самовластие правящей элиты и столь же общее недовольство населения их наиболее вопиющими проявлениями.

Еще важнее роль силы примера, который в соседних государствах особенно нагляден. Это и вдохновляет оппозицию на попытки повторения у себя того варианта смены власти, который «сработал» совсем рядом. Потому-то и возникают параллели между событиями в разных странах. Все они вполне вписываются в однотипный сценарий овладения властью при помощи «улицы»: использование оппозицией протестных настроений и массовых выступлений, иногда и не ею вызванных, для принуждения правящей партии к досрочным выборам, в идеальном случае — уже при переходном техническом кабинете.

Элементы технологии «цветной революции», многократно опубликованной и общеизвестной, здесь легко опознать. Но отсутствует ее главное звено: целенаправленная, инспирированная и всячески поддерживаемая извне подготовка смены руководства, нежелательного для Вашингтона и Брюсселя, на более лояльное. У них не было для этого никаких мотивов, т.к. во всех этих случаях (исключением отчасти является Черногория) и власть, и оппозиция имели одну и ту же внешнеполитическую ориентацию — евро-атлантическую. По контрасту с бесцеремонностью и нахрапистостью, какую обычно проявляют представители США и ЕС в подобных ситуациях, здесь нет заметных внешних усилий в таком ключевом моменте «цветных революций», как «нейтрализация» силовых структур.

Начало цепной реакции, по-видимому, положили события в прежде спокойной Словении. В декабре 2012 — январе 2013 г. ее сотрясли массовые демонстрации против коррупции. Они вскоре вылились в протест против всего политического класса. Происходившее, окрещенное участниками «всесловенским восстанием», напоминало Парижскую весну 1968 года. Конечным результатом стало падение двух кабинетов за год и внеочередные парламентские выборы 13 июля 2014 г. На них впечатляющую победу одержала новая сила, созданная известным юристом М. Цераром за полтора месяца до них, — 34,4% голосов и 36 мандатов. За все время существования независимой Словении такого никто не добивался, хотя единственным достоянием партии М. Церара являлась ее новизна и незапятнанная репутация лидера — профессора права Люблянского университета и советника парламента по правовым вопросам.

Нечто подобное, но с иным исходом случилось и в Болгарии. В январе 2013 г. по всей стране прошли стихийные массовые выступления против резкого повышения тарифов на электроэнергию, которые вызвали отставку правительства правоцентристской партии «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ) и его главы Б. Борисова. Был назначен технический кабинет и время досрочных парламентских выборов — 12 мая. На них партии ГЕРБ, хоть и не без потерь, удалось сохранить место главной политической силы (97 мандатов, по сравнению со 117 после триумфального дебюта в 2009 г.). Но все остальные партии отказались входить в коалицию с победителем. Правительство меньшинства во главе с П. Орешарским сформировала коалиция Болгарской социалистической партии и турецкой партии «Движение за права и свободы». Социально-экономическое положение в стране продолжало воспроизводить массовое недовольство, а смертельно обиженные правоцентристы только и ждали момента для атаки на кабинет. Повод вскоре представился: правительство выдвинуло на пост главы службы безопасности кандидата от турецкой партии с сомнительной репутацией. Последовали многочисленные демонстрации протеста. Хотя кандидатуру тут же отозвали, демонстрации не утихли — за ними стояла добивавшаяся власти ГЕРБ. Они приняли устойчиво антиправительственный характер и сопровождались неоднократными попытками вынести кабинету вотум недоверия. Но лишь после поражения социалистов на выборах депутатов Европарламента кабинет П. Орешарского подал в отставку. Пришлось вновь прибегнуть к техни-

ческому правительству и досрочным выборам: 5 октября 2014 г. ГЕРБ во главе с Б. Борисовым вернула себе власть (32,67% голосов и 84 мандата из 240). Но позиции прежнего фаворита политической сцены заметно ослабли, а избиратель выказал усилившиеся симпатии к националистам.

Уличные волнения сыграли решающую роль в смене правительства и в Румынии. После президентских выборов 2014 г., когда лидер правящей Социал-демократической партии премьер В. Понта неожиданно проиграл кандидату оппозиции, новичку на политической сцене К. Иоханнесу, главу кабинета не раз пытались лишить власти. Репутация В. Понты оказалась настолько подмоченной открытыми против него уголовными делами с обвинениями в плагиате, неуплате налогов, подделке документов и «отмывании» денег, что он был вынужден оставить пост руководителя партии. Но попытка оппозиции вынести ему вотум недоверия не удалась. Однако после пожара в ночном клубе в Бухаресте 31 октября 2015 г., в котором погибли свыше 50 человек, в день их похорон в столице начались массовые демонстрации с требованиями наказания виновных и отставки правительства. В этих условиях В. Понта должен был подать в отставку. Президент предложил сформировать технический кабинет во главе с Д. Чолошем, бывшим еврокомиссаром по сельскому хозяйству.

Примеры соседей по региону оказались заразительными и для Македонии, где начатая оппозицией «бесцветная» революция по мере развития событий все более стала напоминать украинский сценарий. После очередной победы на досрочных парламентских выборах (27.04.2014) правящей с 2006 г. Внутримакедонской революционной организации – Демократической партии македонского национального единства (ВМРО–ДПМНЕ) во главе с Н. Груевским ее традиционный соперник – Социал-демократический союз Македонии, руководимый З. Заевым, заявил, что не признает их результатов и стал бойкотировать парламент. Этот прием не раз практиковался оппозицией и в самой Македонии, и в соседней Албании. Впрочем, продолжающийся политический кризис в Македонии требует отдельного рассмотрения по его итогам.

Опыт македонских оппозиционеров вдохновил и их черногорских собратьев. После президентских выборов 7 апреля 2013 г. оппозиция обвинила власти в фальсификации их результатов, но, не получив поддержки европейских и международных структур, вынужденно смирилась. События в Македонии и приближавшийся прием Черногории в НАТО, не пользующийся всеобщим одобрением в стране, побудили оппозиционеров к действиям по македонскому сценарию. Да и в правящей коалиции наметилась явная трещина: Демократической партии социалистов (ДПС) и ее бессменному лидеру М. Джукановичу, находящимся у власти с 1990 г., начал публично оппонировать неизменный младший партнер – Социал-демократическая партия (СДП) во главе со спикером парламента Р. Кривокапичем. В сентябре–октябре 2015 г. часть оппозиции (Демократический фронт и Социалистическая народная партия) начала кампанию регулярных массовых митингов и демонстраций, требуя отставки правительства, переходного кабинета и честных выборов. В центре столицы протестующие разбили постоянный палаточный лагерь. 24 октября наиболее многолюдный митинг оппозиции, переросший в столкновения с полицией, был разогнан, палаточный городок разгромлен, а против руководителей возбуждены уголовные дела. Ожидавшие всенародного возмущения просчитались – протест пошел на убыль. В уличные действия не удалось вовлечь все оппозиционные силы, часть из них предпочла переговоры с режимом¹. Даже в Демократическом фронте, который и был инициатором протестов, нет единодушия по вопросу о вступлении Черногории в НАТО². Наивной была и надежда на благожелательное посредничество ЕС накануне решения о приглашении Черногории в НАТО (01.12.15). Тем более не вызы-

вали у Брюсселя сочувствия нескрываемые просербские и прорусские симпатии демонстрантов. Но лидеры протеста продолжали упорно стоять на своем: никаких переговоров с режимом, отказываясь и от предложенного Р. Кривокапичем диалога всех политических сил по вопросу совершенствования избирательного процесса. Ситуацию обострил М. Джуканович, предложивший провести в парламенте голосование о доверии правительству. СДП отказалась поддерживать кабинет. Дебаты по вопросу о доверии ознаменовались жесткой полемикой между двумя бывшими союзниками. Но перед голосованием М. Джуканович заявил о готовности предоставить оппозиции места в четырех министерствах и должность вице-премьера, склонив чашу весов в свою пользу. Правительство с перевесом в один голос получило необходимый вотум доверия. После двухмесячного торга соглашение между правящей партией и «конструктивной оппозицией» о «свободных и честных выборах» и вхождении ее представителей в «предвыборный» кабинет было достигнуто. Оставшийся в одиночестве Демократический фронт грозит продолжением уличных протестов, но уже видно, что «революция» не задалась.

Схожие сюжеты наблюдались и в Албании. После убедительной победы социалистов на парламентских выборах 23 июня 2013 г., проигравшая Демократическая партия начала полугодовой бойкот законодательного органа, закончившийся только при посредничестве евродепутатов. После очередной победы социалистов уже на местных выборах 24 июня 2015 г. Демократическая партия, выждав некоторое время, перешла в уличное контрнаступление. 8 декабря 2015 г. она провела в столице массовый митинг в связи с 25-летием падения коммунистического режима, который вылился в протест против правящих социалистов. Лидер «демократов» Л. Баши потребовал формирования переходного кабинета для досрочного проведения «честных» выборов и призвал к кампании гражданского неповиновения. Впрочем, для продолжения акции у них не достало сил.

Протестные настроения, зачастую выплескивающиеся на улицы, вызвали широкое распространение их инструментального использования внутренней оппозицией для достижения собственных целей вне зависимости от внешних акторов. Данную технологию можно считать формой реактивного приспособления политической системы, позволяющей ей пока справляться с перегрузками затяжного финансово-экономического кризиса. Надолго ли?

KANDEL Pavel Efimovich, Cand.Sci.(Hist.), Head of the Center for Ethno-political and Interstate Conflicts, Institute of Europe, RAS (11, bld. 3 Mohovaya St, Moscow, Russia, 125993)

ARE THERE COLORLESS «COLOR REVOLUTIONS»?

Abstract. Any kind of mass anti-government protests is tended to be perceived in Russia as another color revolution. The U.S. along with European allies seems to have contributed a lot to the formation of such an approach. Meanwhile the occurrences of mass protest manifestation in the countries of South-Eastern Europe in 2013–2015 testify otherwise: the use of technology of color revolutions has proved itself as not only an external factor, but also as means of manipulation of domestic opposition political forces for their own goals.

Keywords: color revolutions, technology of color revolutions, velvet revolutions
